

ГЕТЕРОТОПИЯ ЛАГЕРНОГО СЕВЕРА В «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗАХ» В. ШАЛАМОВА

А.И. Дреер, О.А. Скубач

Ключевые слова: гетеротопия, ГУЛАГ, советская пенитенциарная система, репрессивные механизмы, В. Шаламов, Колыма.

Keywords: heterotopia, GULAG, Soviet penitentiary system, repressive mechanisms, V. Shalamov, Kolyma.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-16

Понятие «гетеротопия» (буквально с греч. – «иное место») появилось в социальной антропологии в 1967 году благодаря лекции Мишеля Фуко «Другие пространства», прочитанной им на конгрессе французских архитекторов. Позаимствовав термин в медицинской морфологии, французский философ наделил его новым значением. По Фуко, гетеротопиями являются реально существующие (в отличие от утопий) пространства, действительные топосы, отличные от типичного пространства социума и культуры, в которых они существуют – специфические локусы, «которые вносят разрывы в видимую бесшовность, непрерывность и нормальность повседневности» [Харламов, 2010, с. 189]. Сам Фуко определил гетеротопии как места, в которых «все остальные реальные местоположения, какие можно найти в рамках культуры, сразу и представляются, и оспариваются, и переворачиваются» [Фуко, 2006, с. 169], и отнес к ним, в числе прочего, кладбища, больницы, музеи, зеркала, корабли, колонии, библиотеки, церкви и тюрьмы.

На сегодняшний день еще практически нет исследований, в которых сталинский лагерь целостно рассматривался бы как гетеротопия, однако их появление – дело ближайшего времени. Система ГУЛАГа, представляющая собой антимир внутри советского государства, где условно нормальные социальные практики трансформируются, обращаются, порой претворяются в собственную противоположность, – идеальный объект для изучения в рамках гетеротопологии. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны; в частности, нельзя не упомянуть работы В.А. Подороги, в которых советский северный лагерь анализируется как особое, во всех смыслах «иное» социальное пространство, к тому же в последних работах на эту тему ученый опирается преимущественно на тексты

В. Шаламова [Подорога, 1999; Подорога, 2016]. Несомненно, концепция М. Фуко позволяет рассмотреть «Колымские рассказы» Варлама Шаламова в новом качестве, как способ художественного осмысления «другого пространства», каковым является исправительно-трудовой лагерь на крайнем севере («Севвостлаг» – место действия «Колымских рассказов»).

Если понимать гетеротопию как пространство, искажающее все социальные нормы и практики, нельзя не заметить, что сталинские лагеря, как их изображает В. Шаламов – гетеротопия вдвойне или сверхгетеротопия. Проблема строгой дефиниции лагеря в данной системе координат упирается в вопрос о том, что считать точкой отсчета, средоточием нормальных социальных практик. Советский мир, пусть и внеположенный по отношению к лагерю, вряд ли может претендовать на эту роль. В текстах писателя вся советская пенитенциарная система 1920-1950-х годов представлена как иерархия «киных» топосов, завершает которую исправительно-трудовой лагерь, кульминация и последний предел советского пенитенциария. При этом пространство «большой земли», которое, согласно логике вещей, должно было бы воплощать собой социальную норму, тоже включено в систему репрессивных смыслов и вполне может рассматриваться как, условно говоря, первый, начальный уровень гетеротопии. В советском мире нормы нет, она вынесена за его скобки, однако носителями представления о ней являются в текстах Шаламова рассказчик и близкие ему персонажи. Именно их знакомство с нормой дает автору возможность рассмотреть весь конструкт сталинского государства как систему все более и более отклоняющихся от нормы пространств, – как систему гетеротопий. Венчающий эту систему исправительно-трудовой лагерь при этом выглядит гетеротопией не только на фоне нормы, но и в контексте уже подвергшихся девиации советских социальных структур.

Советский быт многими мемуаристами, современниками Шаламова, характеризовался как близкий к тюремному: «<...> мы ходили как бы просвеченные рентгеновскими лучами; взаимная слежка – вот основной принцип, которым нами управляли. “Чего бояться, – сказал Сталин, – надо работать...” Служащие несли свой мед директору, секретарю парторганизации и в отдел кадров. Учителя при помощи классного самоуправления – старосты, профорга и комсорга – могли выжать масло из любого школьника. Студентам поручалось следить за лектором. Взаимопроникновение тюрьмы и внешнего мира было поставлено на широкую ногу» [Мандельштам, 1999, с. 43], – вспоминала Н.Я. Мандельштам, близкий друг Шаламова. Подобные

свидетельства встречаются не только в текстах представителей «классово-отчужденной прослойки» – интеллигенции, но и в мемуарах той части советского истеблишмента, что столкнулась с советским репрессивным аппаратом. Е.С. Гинзбург, до своего ареста в 1937 году занимавшая партийный пост в Казани, указывает на близость тюрьмы к повседневной жизни середины 1930-х: «<...> 90 процентов тогдашнего астафьевского населения было обречено, и почти все они в течение ближайших месяцев сменили комфортабельные астафьевские комнаты на верхние и нижние нары Бутырской тюрьмы» [Гинзбург, 2008, с. 39]. М. Фуко в классической работе «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы» связал эволюцию западноевропейской культуры с переходом от репрессивных практик, ориентированных на телесные наказания, к репрессивным практикам, нацеленным на «душу»: «Если не тело, то душа. Искушение, которое некогда терзало тело, должно быть заменено наказанием, действующим в глубине, – на сердце, мысли, волю, склонности» [Фуко, 1999, с. 35]. Ключевое отличие советской пенитенциарной системы от европейских аналогов заключается в том, что она пришла к модернистской «экономии наказания», не отказываясь в то же время от архаичного «театра террора». Лагеря и тюрьмы представляли собой места реальных физических пыток, а в бытовом пространстве советской повседневности действовали регулятивы, пытающие «душу»: к ним можно отнести страх постоянной слежки, доносчиков, беспочвенных случайных арестов. Таким образом, быт «большой земли» можно охарактеризовать как первый уровень советской пенитенциарной гетеротопологии. Этот уровень не репрезентируется на страницах «Колымских рассказов»; тем не менее, понимание его необходимо, поскольку этот мир всегда подразумевается, держится героем Шаламова в уме.

Упоминания окологерных топосов встречаются в рассказах не так часто, но к ним, с известными оговорками, можно отнести дескрипцию нетипичных для лагеря социальных отношений: это в особенности касается мотива «бесконвойности», который фигурирует в рассказах «Хлеб», «Сука Тамара», «Сухим Пайком», «Кант», «Васька Денисов, похититель свиней», «Первая смерть» и др. Отсутствие конвоя для арестанта спасительно, поскольку практика унижений и избиений заключенных надзирателями характеризуется героем Шаламова как одно из главных испытаний Колымой. В таком свете мотив «бесконвойности» обнаруживается, например, в рассказе «Кант»: *«Работа на стланнике считалась не только легкой, легчайшей работой и при том она была бесконвойной. <...> после щелкающих затворов, лая собак и матерщины смотрителей за спиной работа на*

стланике была огромным, ощущаемым каждым усталым мускулом удовольствием» (Шаламов, 2017, с. 38)¹. В рассказе «Первая смерть» «бесконвойность» – предмет гордости для заключенных: *«<...> сознание своей особенности, бесконвойности для многих было не последним делом, как это ни наивно. Бесконвойное хождение на работу всем по-серьезному нравилось, составляло предмет гордости и похвалы»* (Шаламов, 2017, с. 114).

Арестант, лишенный конвоя, – это и есть обитатель «призонья». Здесь тоже действуют репрессивные механизмы, пусть и в «снятом», ослабленном виде: даже освобождаясь, «лагерник» остается среди «лагерников», рядом с лагерем, на том же Севере, – то есть фактически переходит не в разряд свободных, а всего лишь «бесконвойных» обитателей ГУЛАГа. За колючей проволокой бесконвойность уже не удивляет, но при этом лагерь остается центром советского космоса, а конвой – частью жизненного пространства. Одним из самых сильных эпизодов в сборнике, эксплицирующим такую картину мира, является рассказ «Детские картинки». В нем главный герой находит выброшенную детскую тетрадь с рисунками: *«Это была грозная тетрадь. <...> Люди тетрадки не были ни крестьянами, ни рабочими, ни охотниками – это были солдаты, это были конвойные и часовые с винтовками. Дождевые будки-грибы, около которых юный художник разместил конвойных и часовых, стояли у подножья огромных караульных вышек. И на вышках ходили солдаты, блестели винтовочные стволы. <...> Ребенок ничего не увидел, ничего не запомнил, кроме желтых домов, колючей проволоки, вышек, овчарок, конвоиров с автоматами и синего, синего неба»* (Шаламов, 2017, с. 83-84). В детских рисунках отсутствует детство, – таково влияние мира, целиком подчиненного лагерю. Пространство, в котором обитает юный художник – это мир не лагеря и не тюрьмы, но при этом его нельзя отнести *«к той жизни за синими морями, за высокими горами»* (Шаламов, 2017, с. 98), о которой должен мечтать ребенок.

И все же окружающее лагерь пространство не является самим лагерем. В его окрестностях встречаются диаметрально противоположные по семантике топосы – от жилья бывших заключенных до домов-дворцов высшего руководства. В рассказе «Красный крест» Шаламов обозначает главные черты, отличающие людей, населяющих околалагерное пространство (или Север вообще, для автора «Колымских рассказов» это практически одно и то же), от

---

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на текст источника: Шаламов В.Т. Колымские рассказы. СПб., 2017.

людей «большой земли»: *«Инженеры, геологи, врачи, прибывшие на Колыму по договорам с Дальстроем, развращаются быстро: длинный рубль, закон – тайга, рабский труд, которым так легко и выгодно пользоваться, сужение интересов культурных – все это развращает, растлевает <...> Вот эта развращенность и называется в литературе “зовом Севера”»* (Шаламов, 2017, с. 187). Таким образом, шаламовская гетеротопология околотагерного пространства эксплицирует гетеротопию иную относительно и лагеря, и обычного советского городского топоса.

Собственно тюремной теме в сборнике отведено не так много места. И это оправдано, ведь задача В.Т. Шаламова – воссоздать атмосферу лагеря, существенно отличающуюся от атмосферы тюрьмы. В рассказе «Татарский мулла и чистый воздух» тюрьма описывается именно с этой целью. Рассказчик обращает внимание на огромную разницу двух типов заключения: тюремного и лагерного. Первый, по уверению героя, всеми, кто только готовится к «Золотому сезону» (имеется в виду работа в золотом забое), воспринимается превратно: *«По простоте душевной люди представляли следственную тюрьму самым жестоким переживанием, так круто перевернувшим их жизнь. Именно арест был для них самым сильным нравственным потрясением»* (Шаламов, 2017, с. 106).

Ссылка ложно воспринимается арестантами «первого срока» как возможность уйти от унижений, духоты, скученности камеры. Нарратив недвусмысленно и многократно (даже в границах рассказа) приводит читателя к осознанию несостоятельности этих обманчиво трезвых заключений: *«В лагере для того, чтобы здоровый молодой человек, начав свою карьеру в золотом забое на чистом зимнем воздухе, превратился в доходягу, нужен срок по меньшей мере от двадцати до тридцати дней при шестнадцатичасовом рабочем дне, без выходных, при систематическом голоде, рваной одежде и ночевке в шестидесятиградусный мороз в дырявой брезентовой палатке, побоях десятников, старост из блатарей, конвоя. Эти сроки многократно проверены. <...> Золотой забой непрерывно выбрасывает отходы производства в больницы, в так называемые оздоровительные команды, в инвалидные городки и на братские кладбища»* (Шаламов, 2017, с. 106).

Ключевая интенция рассматриваемого рассказа – обнажить ужас лагеря, который, как ни парадоксально, выглядит чудовищней на фоне тюремного быта, – чудовищней, чем на фоне картины прилагерных поселений. В развязке рассказа Шаламов предоставляет читателю возможность сравнить уже не типы заключений, а взгляды бывших

тюремных арестантов, идеализирующих «чистый воздух» лагеря, и теперь ставших «человеческими отходами забоя»: *«Светлая, чистая, теплая следственная тюрьма, которую так недавно и так бесконечно давно они покинули, всем, неукошительно всем казалась отсюда лучшим местом на земле. Все тюремные обиды были забыты, и все с увлечением вспоминали, как они слушали лекции настоящих ученых и рассказы бывалых людей, как они читали книги, как они спали и ели досыта, ходили в чудесную баню, как получали они передачи от родственников, как они чувствовали, что семья вот здесь, рядом, за двойными железными воротами, как они говорили свободно, о чем хотели <...>, не боясь ни шпионов, ни надзирателей. Следственная тюрьма казалась им свободнее и родней родного дома <...>»* (Шаламов, 2017, с. 110).

Таким образом, тюремная гетеротопия специально отделяется Шаламовым от лагерной. Эти топосы, в восприятии реципиента самые друг к другу близкие, должны быть разведены для того, чтобы не исказить представление о Колыме. «Спасение в лагере – это обретение хоть какого-нибудь места (а это всегда место выживания, и количество их крайне ограничено). В лагере не сидят, это не тюрьма, где каждому есть **свое** место» (выделено авторами. – А.Д., О.С.) [Подорога, 2016, с. 81], – комментирует эту мысль писателя В.А. Подорога.

Надзиратели, товарищи по заключению, условия жизни, суровая природа – это основные функциональные элементы, «населяющие» гетеротопию лагеря, оспаривающие парадигмы обычных советских жизненных пространств. Каждый из них играет свою роль в наказании узника: надзиратели и заключенные бьют, унижают, объедают, отбирают силой; голод и нехватка сна – изматывают; наконец, особое место отводится природе.

Природа Колымы ненавидима рассказчиком и всеми, кого он вводит в повествование. Ненависть вызывает в исправительно-трудовых лагерях все, что призвано, собственно, «исправлять». Экзекуторскими потенциями наделены и северный климат, и ландшафт: эта мысль – один из ключевых аргументов рассказа «Татарский мулла и свежий воздух»: *«Здоровый деревенский воздух они оставили за морем. Здесь их окружал напитанный испарениями болот разреженный воздух тайги»* (Шаламов, 2017, с. 108). В поэтике «Колымских рассказов» эмоциональное отторжение природы – не безумие заключенных, а зеркальный ответ одушевленному Северу: *«И горы, и реки, и болота зимой казались каким-то одним существом, злоеющим и недружелюбным»* (Шаламов, 2017, с. 108).

Природа тоже казнит, в первую очередь – при помощи чудовищного климата. Чтобы показать крайнее отчаяние положения, Шаламову даже не приходится эмотивно нарушать строгость стиля: *«если воздух при дыхании выходит с шумом, но дышать еще не трудно – значит, сорок пять градусов; если дыхание шумно и заметна одышка – пятьдесят градусов. Свыше пятидесяти пяти градусов – плевки замерзают на лету. Плевки замерзли на лету уже две недели»* (Шаламов, 2017, с. 17). Конечно, холод убивает: *«Вверху было теплее, но и там за ночь волосы примерзали к подушке <...> Сосед его умер вчера, просто умер, не проснулся <...>»* (Шаламов, 2017, с. 17-18).

Еда или ее отсутствие – другой значимый мотив «Колымских рассказов». Он присутствует повсеместно: гастрономические сны главного героя, диалоги о еде, описания приемов пищи с неизменным повторением главного наблюдения: хлеб в лагере и есть зрелище (*«<...> не было ни в ком такой могучей воли, которая помогла бы отвести глаза от пищи, исчезающей во рту другого человека»*) (Шаламов, 2017, с. 13)). Апогея мотив голода достигает в рассказе «Сухим пайком», где героям предоставлен скудный запас еды, который они сами должны разделить на десять дней. Ситуация из пространства естественного, «нормального» быта, нетипичная для лагерной гетеротопии – самостоятельное планирование питания, – вызывает у героев новый, незнакомый ужас и оказывается очередным наказанием.

Голод героев не тотальный, не случайный, не результат чьей-то ошибки – он запланирован, и еда поступает скудно, но систематически. В этом смысле реальность лагерного быта противопоставлена гастрономической реальности советского мира «большой земли» достаточно явно: все продовольственные катастрофы сталинского периода в какой-то момент были отмечены полным лишением пищи. Это рождало порой девиацию, лагерному голоду, как правило, не присущую: *«Обжорство, порожденное голодом, или обжорство, порожденное страхом перед голодом, – разница, в общем-то, несущественная. В период продрозверстки, а потом и в период создания колхозов в деревнях разыгрывались почти древнеримские пиршественные оргии»* [Куляпин, Скубач, 2015, с. 114].

Труд – самая ненавидимая и внимательно разбираемая в сборнике особенность лагеря. Отличие положения труда у лагерников от его статуса в «стране Советов» более чем прозрачно. А.К. Гастев, теоретик Пролеткульта, создатель образа «механического пролетария», писал: *«Мы проводим на работе лучшую часть своей жизни. Нужно же научиться так работать, чтобы работа была легка и чтобы она была постоянной жизненной*

школой» [Гастев, 2011, с. 28]. Такой идеализированной точке зрения на труд противостоит точка зрения Шаламова, наиболее последовательно сформулированная автором в рассказе «Сухим пайком»; комментируя размещенный на лагерных воротах сталинский лозунг «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства», писатель замечает: *«Говорят, что на воротах немецких лагерей выписывалась цитата из Ницше: “Каждому свое”. Подражая Гитлеру, Берия превзошел его в циничности»* (Шаламов, 2017, с. 49-50). Эта формула, осуждающая фразу на фронтонах лагерных ворот как циничную, упоминается в различных вариациях как минимум трижды на страницах «Колымских рассказов», что позволяет предельно усилить главную мысль: *«лагерь был местом, где учили ненавидеть физический труд, ненавидеть труд вообще»* (Шаламов, 2017, с. 50).

Пенитенциарное пространство – всегда гетеротопия в том смысле, что оно представляет собой искаженную версию тех социальных практик, которые носитель культурного сознания воспринимает как обычные. Место заключения невозможно представлять изолированно, в отрыве от условно понимаемой нормы, в сравнении с которой оно, конечно, и выглядит пугающе: пенитенциарий является антимиром в той степени, в какой можно помыслить мир привычный. Однако советская пенитенциарная система, создававшаяся в 1920-е годы, должна была стать другой: планировалось, что она будет не инверсией нормы, но ее продолжением, возможно, даже улучшенным ее вариантом. Первый советский исправительно-трудовой лагерь – печально знаменитый СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения) – задумывался как место спасения заблудших душ, – заблудившихся, конечно, не в духовных, а в социальных хитросплетениях нового мира; в определенном смысле он продолжал оставаться тем, чем был до революции 1917 года – монастырем. Но не только: журнал «Соловецкие острова», официальный орган управления лагерем, издававшийся в 1924-1930 годы, старательно рисует картину скорее курорта, а не обители, и уж тем более не тюрьмы: здесь организуется правильная, научно подкрепленная система питания для заключенных; строится целый больничный комплекс, способный обеспечить всеобщее здоровье обитателей лагеря; силами заключенных ведутся научные изыскания, в частности, в области социальных девиаций и способов их исправления (!); есть свой театр, литературная студия, оперный кружок, и даже

симфонический оркестр¹. Как известно, утопия не состоялась: уже к концу 1920-х годов само слово «Соловки» вызывало у современников ужас, который, будучи перенесенным на всю конструкцию ГУЛАГа, лишь усиливался с течением времени. Попытка приблизить пространство пенитенциария к пространству повседневности обернулась тем, что именно повседневность приблизилась к пенитенциарию: лагерь 1930-х – начала 1950-х годов претендует на то, чтобы подменить собой норму, и становится точкой отсчета, «нулевым километром» всего советского космоса.

В. Шаламов, бесценный наблюдатель с богатым лагерным опытом (писатель впервые был арестован в 1929 году; в Севвостлаге на Колыме провел 20 лет, с 1936 года по 1956 год), именно здесь находит важнейшее качество советской лагерной системы: все ее отличительные особенности, связанные с человеческими отношениями, бытовыми деталями и пр., представляют собой искаженные посредством репрессивной функции аспекты «нормальной», повседневной жизни, однако трансформация далеко выходит за пределы лагерного топоса. В различной степени лагерь воздействует на все уровни советского пространства, наделяя его свойствами антимира; в той ли иной пропорции весь сталинский космос является Колымой. В этом смысле советский лагерь является гетеротопией – «другим пространством», – возможно, не столько по отношению к внелагерному пространству, миру «большой земли», сколько по отношению к обычным практикам наказания, – главным образом, к тюрьме. В художественном мире Шаламова, пожалуй, именно тюрьма располагается ближе всего к понятию нормы; это один из главных парадоксов гетеротопологии пенитенциарного пространства, созданной писателем в «Колымских рассказах».

Литература

- Гастев А.К. Как надо работать: Практическое введение в науку организации труда // Советский производственный менеджмент. М., 2011.
- Гинзбург Е.С. Крутой Маршрут: хроника времен культа личности. М., 2008.
- Куляпин А.И., Скубач О.А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М., 2013.
- Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М., 1999.
- Подорога В.А. ГУЛАГ в уме: наброски и размышления // Досье на цензуру. Страна и ее заключенные. 1999. № 7-8.

¹ См.: Соловецкие острова. 1925. № 9; 1926. № 5-6; 1926. № 7.

Подорога В.А. Дерево мертвых: Варлам Шаламов и опыт ГУЛАГа (опыт отрицательной антропологии) // Политическая концептология. 2016. № 3.

Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 3. М., 2006.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

Харламов Н. Гетеротопии: Странные места в городских пространствах постгражданского общества // Синий диван. 2010. № 15.

Список источников

Шаламов В.Т. Колымские рассказы. СПб., 2017.

References

Gastev A.K. *Kak nado rabotat': Prakticheskoe vvedenie v nauku organizatsii truda* [How to Work: A Practical Introduction to the Science of Labor Management]. In: *Sovetskiy proizvodstvennyy menedzhment* [Soviet Production Management]. Moskva, 2011.

Ginzburg E.S. *Krutoy Marshrut: khronika vremen kul'ta lichnosti* [Steep Route: Chronicle of the Times of the Cult of Personality]. Moskva, 2008.

Kulyapin A.I., Skubach O.A. *Mifologiya sovetskoj povsednevnosti v literature i kul'ture stalinskoj epokhi* [The Mythology of the Soviet Everyday Life in the Literature and Culture of the Stalin Era]. Moskva, 2013.

Mandel'shtam N. *Vospominaniya* [Memories]. Moskva, 1999.

Podoroga V.A. *GULAG v ume: nabroski i razmyshleniya* [GULAG in the Mind: Sketches and Reflections]. *Dos'e na tsenzuru. Strana i ee zaklyuchennye*. [Dossier on Censorship. The Country and Its Prisoners]. 1999. No. 7-8.

Podoroga V.A. *Derevo mertvykh: Varlam Shalamov i opyt GULAGa (opyt otritsatel'noy antropologii)* [The Tree of the Dead: Varlam Shalamov and the GULAG Experience (Negative Anthropology Experience)]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology]. 2016. No. 3.

Foucault M. *Drugie prostranstva* [Other Spaces]. In: Foucault M. *Intellektualy i vlast'. Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. Chast' 3* [Intellectuals and Power. Selected Political Articles, Speeches and Interviews. Pt 3]. Moskva, 2006.

Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Supervise and Punish. The Birth of the Prison]. Moskva, 1999.

Kharlamov N. *Geterotopii: Strannye mesta v gorodskikh prostranstvakh postgrazhdanskogo obshchestva* [Heterotopes: Strange Places in Urban Spaces of Post-Civil Society]. *Siniy divan* [Blue Sofa]. 2010. No. 15.

List of sources

Shalamov V.T. *Kolymskie rasskazy* [Kolyma Stories]. Sankt-Petersburg, 2017.